

Пятничный выпуск

ЗАПОЛЯРНЫЙ ВЕСТНИК

www.norilsk-zv.ru

“Северному
формату” –
74

страница 2

Родом
из
детства

страница 4

Роза
Владимира
Эйснера

страницы 6–7

Самая полная
и удобная
ТВ-программа

страницы 9–24

11 марта 2011 г.

№41 (3819)

Издается с 1995 г.

Денис КОЖЕВНИКОВ

Арктика покоряется сильным

Как сообщает корреспондент “ЗВ” из Дудинки, Морская ледовая автомобильная экспедиция – 2011, преодолевшая первую часть пути по маршруту Уренгой – Дудинка – Северный полюс – Канада, в настоящий момент готовится к дальнейшему путешествию. Пользуясь передышкой, участники экспедиции провели тщательное техническое обслуживание двух своих плавающих вездеходов “Емеля-3” и “Емеля-4”. Помощь им в этом оказал Заполярный транспортный филиал. Путешественников разместили в комфортабельных каютах ледокола “Дудинка”, предоставив возможность отдохнуть и набраться сил перед долгим, сложным походом. Подробности – в ближайших номерах “Заполярного вестника”.

Достоинно внимания

Золотые руки

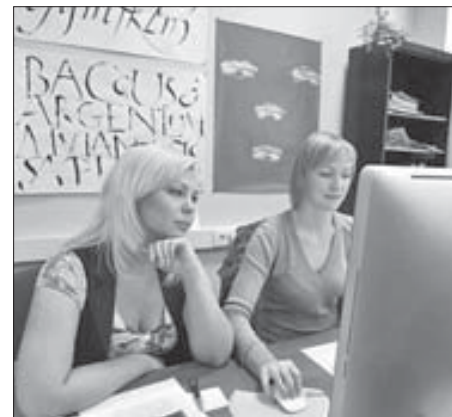
13 марта типография “Северный формат” отметит 74-й день рождения.

также представительницы прекрасного пола. Три дизайнера работают с черно-белой печатью, а художник-конструктор Ольга Изотова – с цветной продукцией.

– Открытки и красочные буклеты – все это лежит на Оле. Она также может помочь клиенту разработать собственный стиль, оформить продукцию. Все самое лучшее и красивое – ее заслуга, – говорит Анна Почекутова, начальник типографии “Северный формат”.

Единственная в своем роде

Главный цех “Северного формата” – печатный. С самого утра до ночи здесь шумят машины. В особом статусе цифровая печатная машина Indigo – единственная в своем роде на территории Норильска.

Анна Марковская и Ольга Изотова

– Большие объемы печати при отличном качестве и в самый короткий срок – вот плюсы этой машины. И, конечно, удобство работы, – говорит печатник Анна Марковская.

Также печатный цех славится своей газетной машиной, на которой печатается “Заполярный вестник”. И, как в давние времена, делается это в ночную смену, чтобы утром в почтовые ящики норильчан попала свежая газета, еще пахнувшая типографской краской.

Настоящие мастерицы

Если для газетной продукции печатание – это последний этап в стенах типографии, то книжно-журнальная продукция – буклеты, удостоверения, рабочие журналы – отправляются дальше, в переплетный цех. Несколько умелых машин сегодня заменяют ручной труд. В типографии есть машина, которая режет, и та, которая фальцует. Машина, что шьет, и даже та, которая изготавливает переплетные крышки.

– Сегодня практически все автоматизировано. Однако при небольших или индивидуальных заказах мы продолжаем работать вручную.

Наиля Файзрахманова выполняет тонкую работу

Поэтому большинство наших сотрудниц – настоящие мастерицы золотые руки, – говорит переплетчик Маргарита Рудковская. И с ней сложно не согласиться.

Кстати, если машины дают сбой, то на помощь спешит механическая служба. Главным механиком Петр Клочко, механик Александр Васильев и наладчик Александр Денисенко берутся за самую сложную работу. И не было случая, чтобы не справились.

– Наша типография – самая современная и технически оснащенная на территории. Но главный ее плюс – это коллектив – дружные, веселые люди, всегда готовые прийти на помощь друг другу, – уверена начальник типографии “Северный формат” Анна Почекутова.

Наталья Зайцева нумерует бланки

Начальник типографии Анна Почекутова

Лиза КОТИК

Типография в Норильске появилась, когда город был еще рабочим поселком. Во время Великой Отечественной войны здесь печатали листовки и агитационные плакаты, после Победы выпускали афиши и единственную городскую газету. Сегодня “Северный формат” печатает несколько газет, самая масштабная из которых – “Заполярный вестник”, а еще изготавливает визитки, открытки, буклеты, календари и другую продукцию. Меняется жизнь, мода, а вместе с ними – и типография.

– Не представляете даже, как мы раньше работали. Физически было тяжело, приходилось таскать тяжелые “гранки” со шрифтами, – рассказывает старейший работник типографии Ольга Фролова. – Сегодня работать легче, все автоматизировано, компьютеризировано. Но объемы печатной продукции, конечно, увеличились. Неизменным осталось лишь то, что, как и раньше, работают в типографии в основном женщины.

Большая ответственность

Рабочий день в типографии начинается в 9.00. Две симпатичные девушки – Наталья Костицына и Елена Лопатко встречают заказчиков. На них – большая ответственность: учесть все пожелания, быстро и грамотно оформить заказ. Наши девушки внимательные, работают четко: клиенты типографии довольны.

Оформленные заказы “уходят” в дизайнерский отдел. Здесь трудятся

И буквы, отлитые в металле

Когда-то дизайнеры были наборщицами. И было их в типографии более тридцати. Чего стоило, например, набрать газету “Заполярный вестник”, которая, так же как и сегодня, выходила пять раз в неделю. Каждую полосу метранпажи собирали из металлических строчек, отлитых литьевыми пластинами, фотографии делали на цинковых пластинах. Работа была трудоемкая и кропотливая, тем не менее газеты и вся бланочная продукция для города и комбината выходила вовремя.

Прежде чем продукция пойдет в печать, открытки и буклеты вычитывают корректоры – Наталья Пасека и Ангелина Базык.

– Спасибо маме, что привила любовь к русскому языку и дала работу на всю жизнь, – смеется Ангелина Яковлевна.

Ей эта работа нравится, иначе не задержалась бы так надолго – в этом году Ангелина Базык отмечает 20 лет трудового стажа в норильской типографии.

Любовь Митрюшина знает все о метранпажах

Форсаж, еще форсаж

С 1 марта Почта России внесла изменения в систему тарификации услуги срочных денежных переводов “Форсаж”.

Теперь тариф на отправку суммы до 3000 рублей снижен в два раза: стоимость отправки денежного перевода составляет 150 рублей. Эта инициатива даст возможность потребителям отправлять небольшие суммы в кратчайшие сроки

по демократичным ценам и позволит укрепить позиции предприятия на высококонкурентном рынке срочных денежных переводов.

Почта России вышла на рынок срочных денежных переводов с услугой “Форсаж” в июне прошлого года.

Уже сейчас можно наблюдать устойчивую положительную динамику количественных показателей переводов “Форсаж”. Так, средний размер переводной суммы увеличился более чем в два раза. В настоящее время услугу предоставляют свыше 14 600 почтовых отделений страны, оснащенных защищенными on-line каналами связи. Причем количество пунктов, предоставляющих услугу в том числе на международном направлении, в перспективе будет увеличиваться.

Всё в сохранности

Вчера отмечался День архивов России. С профессиональным праздником норильских архивариусов поздравил глава города Сергей Шмаков.

В октябре норильский архив отмечает 55-й день рождения. Сейчас в учреждении создается отдел инновационных технологий, основной задачей которого будет перевести в электронный вид имеющиеся на хранении документы. Они будут переданы в городской музей и библиотеки, чтобы любой норильчанин мог изучать историю родного города.

В фондах архива находится 113 071 единица хранения – документы органов местного самоуправления, промышленных предприятий, учреждений науки и культуры, профессиональных союзов, фотографии, личные документы известных норильчан. Старейшие единицы хранения датированы 1928 годом.

Достоинно внимания

Ледовое шоу состоится

Ледовое шоу известного российского фигуриста Александра Жулина состоится в воскресенье, 13 марта.

“Норильский никель” в честь 8 Марта решил подарить норильчанкам прекрасный подарок – шоу Александра Жулина “Ледовое вдохновение”. Назначенное на 6 марта представление не состоялось из-за разывшейся метели – фигуристы не смогли прилететь в Норильск. Будем надеяться, что погода не нарушит планов фигуристов предстать на ледовой арене “Арктики” в воскресенье, 13 марта, в 15 и 18 часов. Вход по ранее выданным пригласительным билетам.

Приятно, что при напряженном графике работы известные фигуристы смогли запланировать два уникальных выступления для норильчанок.

Взгляд со стороны

Владимир ЭЙСНЕР,
фанат Арктики

“Полярный мост” в шесть тысяч километров

Будучи проездом в Москве, узнал от своих друзей по прежним экспедициям в Арктике сногшибательную новость: запланирован перелет на дирижабле из России в Канаду через Северный полюс. Воздушная трасса свяжет самые северные населенные пункты Евразии и Северной Америки, 2000 километров маршрута пройдут над льдами Северного Ледовитого океана. Российский дирижабль “АТЛАНТ-6” будет перебазирован из поселка Киржач во Владимирской области, где он сейчас находится, в поселок Хатанга. Здесь я прожил многие годы до отъезда в Германию и всегда рад встрече с земляками.

Так вот, дирижаблю предстоит пересечь территории Урала, Западной Сибири и плато Путорана. Отрезок маршрута из Хатанги на Таймыре до поселка Алерт на Канадском арктическом архипелаге пройдет через Ледовитый океан. Весь проект получил название “Полярный мост” (Polar Bridge). Старт экспедиции назначен на март 2011 года. Тренировочные полеты уже начались!

После последних полетов над Арктикой дирижаблей (в переводе – “управляемый”) прошло 80 лет. Все это время главную роль в освоении Арктики играли самолеты и вертолеты. И все же первым воздушным судном в небе над Северным полюсом был дирижабль “Норвегия”. Это было в 1926 году. Руководил экспедицией знаменитый путешественник Руал Амундсен, а управлял дирижаблем, построенным в Италии, изобретатель Умберто Нобиле. К сожалению, экспедиция Нобиле в 1928 году закончилась неудачей. Дирижабль был потерян. Люди, в том числе и Амундсен, вылетевший на поиски пропавших итальянцев, погибли.

Но развитие дирижаблестроительства за это время не закончилось. Самых больших успехов к этому времени достигла Германия, имевшая уже тридцатилетний опыт строительства летательных аппаратов легче воздуха этого типа. В 1930 году дирижабль LZ-27 Graf Zeppelin в сопровождении советских самолетов два с половиной часа кружил над Москвой. На почтовой марке того времени “Граф Цеппелин” запечатлен над храмом Христа Спасителя. Жаль, что вскоре его взорвали...

Впрочем, на сегодняшний день и храм восстановлен, и дирижабли не исчезли. Все эти годы они совершали регулярные почтово-пассажирские перелеты через Атлантику в Бразилию и США всего за четыре-пять дней. Размеры и возможности этих летательных аппаратов впечатляют и сегодня. LZ-27 Graf Zeppelin, например, при длине в 236 метров имел наибольший диаметр 30 м, оболочку, наполненную водородом, приводился в движение пятью моторами мощностью 530 лошадиных сил каждый и мог летать со скоростью до 130 километров в час.

Еще одна страничка истории – исследовательская экспедиция “Графа Цеппелина” в Арктику. Она состоялась в конце июля 1931 года. Дирижабль всего за неделю преодолел расстояние в 10 600 километров, пролетев по маршруту Берлин – Ленинград – Земля Франца-Иосифа – Северный полюс – Таймыр – Новая Земля – Ленинград – Берлин. Был собран колоссальный научный материал. По договору с немецкой стороной в экспедиции участвовали и советские специалисты.

В 1937 году, после катастрофы дирижабля “Гинденбург”, развитые страны постепенно стали отдавать предпочтение самолетам. Летательные аппараты тяжелее воздуха выигрывают гонку века. В настоящее время дирижабли строят 14 стран. Среди них Германия, Англия, Канада, Китай и Россия. Но возможности современных дирижаблей гораздо скромнее прежних.

Проект “Полярный мост” призван стать началом пути к мирному совместному освоению Арктики, когда успех любой из стран позитивно воспринимается мировым сообществом. Немалое значение имеет экологический аспект. Арктика очень чувствительна к негативным факторам человеческой деятельности. Процессы, связанные с глобальным потеплением, и в первую очередь быстрое таяние полярных льдов, во многом зависят от объемов промышленных и транспортных выбросов в атмосферу.

Дирижабль, использующий архимедову подъемную силу, потребляет в шесть раз меньше топлива, чем самолет, и в 15 раз меньше, чем вертолет. Для перелета протяженностью шесть тысяч километров потребуется всего около трех тонн топлива. Это своеобразный “зеленый” рекорд для летательных аппаратов всех типов. Он призван привлечь внимание к проблемам сохранения экологического баланса в Арктике. Спонсором пятиллионного проекта и одним из пилотов дирижабля является европейский предприниматель, фанат Арктики, имеющий немецкие корни. Его имя пока не разглашается.

Рисунки Елены Гриценко (слева) и Алены Демьяненко

Фантазия привела к победе

Воспитанницы творческого объединения “Страна красок” Алена Демьяненко и Елена Гриценко стали победительницами сразу двух международных конкурсов детских рисунков.

Юлия КОСТИКОВА

В этом году темой конкурса “Космическая одиссея” стало космическое путешествие. Участникам предлагалось изобразить космические корабли, пейзажи, быт на борту корабля и прочие внеземные моменты. Работы юных художников оценивал член Союза художников России Николай Меньшиков. Рисунок тринадцатилетней Алены Демьяненко жюри присудило высшую оценку в ее возрастной группе.

– Конкурсные работы изучались в течение года, – рассказала руководитель творческого объединения “Страна красок”, преподаватель центра внешкольной работы Инна Ходыкина. – Помимо рисунка Алены в “Космической одиссее” рассмотрели почти четыре тысячи других претендентов на победу не только из России, но из Казахстана, Белоруссии,

Израиля, Узбекистана и Грузии. Тем ярче оказалась победа моей воспитанницы.

Еще одна подопечная Инны Ходыкиной – четырнадцатилетняя Елена Гриценко заняла первое место в детском художественном конкурсе “Мир заповедной природы”. Он проводился в рамках XVI Марша заповедников России и сопредельных стран. На конкурс поступило 1300 работ из 75 организаций – заповедников, национальных природных парков, экологических кружков, художественных и общеобразовательных школ. Диплом I степени Елена Гриценко получила за рисунок “Сова”.

– Победительницам уже выслали дипломы, – говорит Инна Ходыкина. – В качестве призов девочки получат наборы для рисования. А работы будут демонстрироваться в музеях и выставочных залах Москвы.

Минуты музыки

Завтра стартует традиционный региональный фестиваль-конкурс юных исполнителей “Надежды Норильска”.

Этот музыкальный праздник учрежден управлением по делам культуры и искусства администрации города и направлен на выявление талантливых исполнителей, совершенствование их мастерства, обмен опытом между преподавателями.

“Надежды Норильска” определяются в возрастных категориях от 7 лет до 21 года. Открывается фестиваль номинацией “Ансамбли духовых и ударных инструментов”. Конкурс пройдет в Норильской детской школе искусств. Молодые музыканты также продемонстрируют умение играть на народных и струнных инструментах.

Гала-концерт и награждение лауреатов состоятся 16 марта.

Звуки домры

Имя этого народного артиста РФ известно всему миру. Александр Цыганков выступит перед норильчанами в воскресенье.

Норильский колледж искусств приглашает 13 марта в 18.00 на незабываемую встречу с лауреатом международных и всероссийских конкурсов, профессором Российской академии музыки имени Гнесиных (домра) Александром Цыганковым. Сольный концерт выдающегося исполнителя на народных инструментах пройдет в рамках программы регионального конкурса-фестиваля юных исполнителей “Надежды Норильска – 2011”.

Удивительные звуки домры зазвучат в Концертном зале по адресу: ул. Богдана Хмельницкого, 17а. Стоимость билета – 200 рублей. Справки по телефонам 46-90-58, 48-53-15, 48-53-28.

Гость “ЗВ”

Марина БУШУЕВА

Он – организатор захватывающих проектов, депутат, руководитель Норильского фонда поддержки предпринимателей, почетный полярник, заслуженный путешественник РФ и норильчанин, получивший медаль ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени. Он из тех немногих людей, успешность которых не вызывает зависти и раздражения у горожан. Может, потому, что и сам он умеет радоваться успехам других. “Я люблю жизнь во всех ее проявлениях”, – говорит Соломаха.

Была война

А в детстве Лёня, как герои платоновских произведений, мечтал стать машинистом паровоза. Ему нравилось смотреть на проезжающие мимо вагоны, на лица людей, которые едут куда-то к лучшей жизни, слушать монотонный стук колес.

До его рождения случилась война. Отец ушел на фронт одним из первых. Участвовал в боевых действиях на Западной Украине. Во время сражения под Полтавой получил ранение, был контужен. После чего началось долгое скитание – в госпиталь, на фронт и снова в госпиталь. За это время мать получила четыре похоронки! После второй сказала: он будет жить. Но нашелся отец уже после войны в маленьком уральском городке.

– Мое детство выпало на послевоенные годы. Я был седьмым ребенком в семье. И был предоставлен самому себе.

Отец пришел с фронта инвалидом и работал директором хлебоприемного пункта на железнодорожной станции. Я его практически не видел: он уходил на работу, приходил – я уже спал. Встречались в воскресенье. Он меня поймает и спрашивает:

- Лёнь, ты в каком классе учишься?
- В таком-то.
- А! Все нормально?
- Да.
- Ну, давай.

Воспитанием занималось все село, и каждый взрослый мог отругать и отвести подзатыльник любому пацану. И это было нормально. Самое страшное, если тебе сделали замечание, ты на него не отреагировал и односельчанин пожаловался родителям. А в селе что важно? Что люди скажут. И если люди сказали, что у тебя ребенок невоспитанный и, не дай бог, матерится, то это все – казнь.

Красота горячего металла

– Я много в жизни видел красот, но нет ничего прекраснее льющегося горячего металла. Представляете, что вот любую стальную болванку можно превратить в жидкость. При этом происходят очень сложные физико-химические процессы. И в этом есть не только красота, но и очень глубокая философия – каким бы ты твердым, крутым ни был, всегда найдется на тебя какая-то энергия, которая делает тебя удобным и может превратить в иное.

Любовь к металлу когда-то привела Леонида в Коммунарский горно-металлургический институт. После его окончания он несколько лет работал на сталелитейном заводе в Кременчуге, занимался тонкостенным фасонным литьем, которое потом использовалось для изготовления вагонов и грузовых машин.

Впрочем, не работой единой жив человек.

– Когда устроился на завод, пришел к ним на комсомольское собрание цеха. А там всего полтора десятка человек. Сидят, что делать – не знают. Развыступался я там, и выбрали меня секретарем комсомольской организации. В итоге мы так развернули деятельность: стали устраивать вечера, конкурсы, спортивные состязания, в походы ходить, – что через три месяца, хочешь – верь, хочешь – нет, у нас вместо 17 стало 95 комсомольцев.

Или вот взять хотя бы сбор школьниками металлолома – важнейшее мероприятие того времени. Ударных показателей в этой

Родом из детства

Интересно, есть ли в Норильске человек, который ни разу не был на слете туристов на Хараелахе, не приходил на “Планерку”, где можно услышать хиты в исполнении первых лиц города, не сверял время по солнечным часам и ничего не слышал о памятнике не вернувшимся с маршрута? Есть ли человек, которому ни о чем не говорит фамилия идейного вдохновителя всех этих, а также многих других проектов – Леонида СОЛОМАХИ?

И сам не скушает, и другим не дает

области Кременчуг не выдавал. Потому что банальное получение грамот школьников не вдохновляло.

Леонид работал тогда старшим мастером на плавильных печах. По его инициативе был объявлен конкурс по сбору металлолома среди школ города. А главным призом стало участие классов-победителей в комсомольской плавке.

– И вот открываются ворота, и заезжают грузовики с металлоломом. Перед глазами школьников его заваливают в раскаленную печь, откуда потом летит горячий металл. И в это время над их головами начинает играть инструментальный ансамбль – музыканты стоят в железном коробе, поднятом на высоту подъемным краном. Это было что-то!

Братья и сестры

Соломахе сложно заставить в одиночестве. Если не рабочее совещание, то встреча с общественниками. Не выезд на природу, так репетиция “Планерки”. При этом то и дело звонит телефон. Всем нужно что-то узнать, спросить, посоветоваться. И не помню такого случая, чтобы Леонид Антонович не перезвонил, отмахнулся, забыл о просьбе.

– Я был недавно в многодетной семье. Там восемь детей. Старшая девочка, а остальные – мальчишки. Я, глядя на них, многое вспомнил из своей жизни. И подумал, что, когда ты, прежде чем положить кусок чего-нибудь вкусенького себе в рот, думаешь про сестру, про брата, про маму, в дальнейшем уже не можешь пренебречь другими людьми. А если ты один, то рано или поздно приходит осознание того, что есть другие люди. И для кого-то это становится драмой.

– Вы были седьмым ребенком в семье. Поддерживаете связь с братьями, сестрами?

– К сожалению, мои братья уже умерли. Война забрала у них много здоровья. Голод, страх, стрессы – это все бесследно не проходит. Сестры, слава Богу, живы. Мы с ними созваниваемся, встречаемся. Правда, не так часто, как хотелось бы. Но я рад, что родился в такой большой семье. Одних племянников и внучатых племянников – не перечислять.

И дарит метель наслаждение

– Чем пожилой человек отличается от молодого? Тем, что молодой еще способен совершать ошибки. Он куда-то стремится,

ему многое интересно. А человек пожилой уже все знает и никуда не лезет. А мне по характеру все время хочется чего-нибудь нового, – говорит Соломаха. – Я вот, наверное, тебя удивлю тем, что очень люблю метель. Когда метель, я одеваю, выхожу из дому и иду навстречу ветру. Это большое наслаждение – сопротивление, борьба и общение со стихией. Мне не нравятся люди, которым все нормально, которым никуда не хочется и не надо. Поэтому и стараюсь все время быть среди молодежи.

И молодежь Соломахе любит и уважает, просит совета, как у старшего товарища, общается не как с представителем другого поколения, а как с равным, понимающим.

– Сразу разговор обычно не складывается. Первые минуты подростки зажаты, не хотят говорить. Потому что наши взрослые – они такие самодостаточные. Выходят, видят – молодежь стоит, и начинают орать.

У Леонида Антоновича трое детей. Павел и Полина живут на материке, старшая, Раиса, – в Норильске. Спрашиваю, как, по его мнению, нужно воспитывать.

– А воспитывать не нужно. Нужно просто любить. Ведь почему дети шатаются по улицам и подъездам? Потому что дома их никто не хочет видеть. И им там не интересно. Вот приходит подросток домой и ежедневно видит одну и ту же картину: родители недовольные, постоянно ноют, ко всему придираются. То не так, это не так. Вот дети и уходят. Человек всегда идет туда, куда его притягивает. А притянуть чем можно? Заботой, вниманием, добротой, лаской. Это то, чего по жизни не хватает человеку. А молодому – особенно.

Как я провел этим летом

В Норильске Леонид Соломаха устроился на работу старшим металлургом отдела нормирования выбросов в атмосферу Госкомгидромета. Поработал полтора года, и его назначили заместителем директора гидрометобсерватории, а потом и директором.

– Это не потому, что я такой выдающийся, а потому, что в метеорологической службе одни женщины работают. А тут появился мужик, который к тому же может что-то сделать.

Все метеорологические станции, расположенные в радиусе 400 км от Норильска, напрямую подчинялись Красноярску, что, естественно, создавало большие сложности

в работе. Какую-то справку – и то нужно было получать из края. В итоге Соломаха вышел с инициативой создать Таймырский гидрометеорологический центр, который и существует до сих пор. Впрочем, не решение бюрократических вопросов занимало Леонида Антоновича больше всего.

– Работать было очень интересно. Все метеостанции находятся в большом отдалении от Норильска. Некоторые относятся к разряду труднодоступных – когда в пределах 50 км ни одной живой души. Их надо было обеспечивать расходными материалами, спецодеждой, углем. Добирались на катерах, вертолетах, вездеходах.

Но самое сложное было подобрать людей. Ведь если космонавтов проверяют на психологическую совместимость, то метеорологов – нет. А условия подобные. Словами не передать, что происходит с людьми, когда они три-четыре месяца проводят один на один. Если какая-то точка не вышла на связь в установленное время – все, ЧП, надо лететь... В общем, не соскучишься. Я проработал там 21 год, и ни минуты покоя. Никогда не мог позволить себе расслабиться.

Сон на склоне гор

– Человек формируется в детстве, – утверждает Соломаха.

Его еще мальчишкой, жившим в небольшом украинском селе, всегда тянуло к природе. Уже в 5–6-м классе он с компанией таких же пацанов ходил в поход на двое суток. И родители были спокойны, что ничего с ними не случится.

Потом был туристический лагерь и как следствие – увлечение спортивным ориентированием на местности. Леонид даже входил в сборную Украины среди молодежи. Участь в институте, на общественных началах создал свою команду. За четыре года на Украине и за 10 лет в Норильске подготовил по 15 кандидатов в мастера спорта и по одному мастеру спорта, один из них вошел в сборную Украины, а другой – в сборную России.

И сегодня Леонид Антонович поддерживает всех, кого тянет в тундру, на природу.

В прошлом году под руководством Соломахи на Красных Камнях был воздвигнут монумент “Приют беспокойных сердец”, посвященный памяти не вернувшихся с маршрута.

– Мне этот памятник приснился. И я считаю, что это, наверное, самый значимый из осуществленных мной проектов. Интересна была история его создания. В Норильске переход к отрицательным температурам выпадает на середину сентября. А мы начали работу в конце сентября – пересаживали деревья, выравнивали площадку. И вот приходим туда – пасмурно, дождь, ветер промозглый. Только начинаем работать, как все прекращается, светит солнце. И так было весь месяц. И уже в начале октября меня спрашивают: “А успеете?” Отвечаю: “Конечно”. Я был уверен, что снег скоро не выпадет и у нас будет возможность закончить эту работу. Так и получилось – 10 октября мы открыли памятник, а 13-го пошел снег. Видимо, это дело было Богу угодно.

Мечта

– У вас мечта есть?

– Я много о чем мечтаю. Но боюсь, что не многие мои мечты сбудутся. Я реалист. Но чтобы задумка осуществилась, нужно много энергии, денег, нужны понимание и поддержка. К тому же хочется очень многого, а концентрироваться надо на чем-то одном. Лет шесть уже я горю идеей создать музей под открытым небом. Модернизация и техническое развитие идет быстрыми темпами, но нельзя забывать о прошлом. Давайте поставим вагон узкоколейки, на котором люди сюда приехали, старые машины, в тундре есть останки самолетов. Или прокатный стан 1941 года, который действует до сих пор. А то когда-нибудь его выкинут на металлолом. Дети, школьники должны прийти и увидеть, в каких условиях все это создавалось, тогда они будут ценить и любить город.

Это город наш с тобою

Подворотня – та же пещера

Настенная любовь

Сначала было слово

И писано оно было на камне стены – сначала пещеры, потом уже дома. Такая наскальная и настенная живопись не выродилась до сих пор и, более того, успешно используется в рекламных, художественных и пропагандистских целях.

Денис КОЖЕВНИКОВ

Наивны те, кто полагает, что в Норильске жизнеутверждающее писание на стенах ограничивается несколькими “полотнами” напротив родильного дома на улице Богдана Хмельницкого. Не будем рассматривать разные непристойности, коими изобилует любая вертикальная поверхность, но среди городских стен попадаются весьма любопытные произведения.

Надписи “Здесь был Вася” нынче не в моде. Обозначения типа выпуск какого-нибудь “1812 года” тоже достаточно типичны, являются сезонными и обращают на себя внимание, лишь когда намалеваны аршинными буквами по свежей отделке новенького фасада в центре города. Любовные излияния на стенах домов в последнее время тоже стали достаточно традиционными. Кстати, не последнюю роль в продвижении подобной манеры проявления чувств на всякого рода плоских городских поверхностях сыграла песня известного барда Олега Митяева о том, как “какой-то местный идиот” написал “С добрым утром, любимая!” у той под окном. Так и поехало, считают многие.

Впрочем, во дворах и подворотнях Норильска можно обнаружить и наглядную агитацию чисто

пропагандистского, даже патриотического толка. Например, “Русский – значит трезвый” – чем не призыв вести здоровый образ жизни? В продолжение темы показательна попытка оправдаться и, так сказать, сломать стереотипы в той же настенной рекламе “Всегда трезвые грузчики”. Эти слова молва уже переиначила в “Каждый день беспросветно трезвые грузчики”, но в целом надпись даже выиграла.

А вот что означает метровый штрих-код на стене старого дома по улице Богдана Хмельницкого, разгадать так и не удалось – слова нижней, смысловой, части картины закрашены. Куда более однозначным выглядит лозунг “Говори правду”, нарисованный на стенах практически по всей протяженности Ленинского проспекта. Еще пару лет назад данный призыв иллюстрировал мужик с двусмысленно выставленным пальцем. Причем мужик как-то подозрительно смахивал на одного из наших президентов. Может, поэтому его впоследствии удалили с изображения?

Выходит, настенную пропаганду все-таки кто-то отслеживает. Чувства ответственности и здорового юмора этому славному человеку, ибо еще присутствуют на стенах здоровые всплески души типа “Зайка, улыбнись!”.

Палитра красок и слов

“Спасибо за сына, спасибо за дочь...”

Словами все не передать

Литературная гостиная

Владимир ЭЙСНЕР

Роза

Рассказ

“Покажи парубку чего”

В двадцатых числах декабря, в самую глухую полярную ночь, мое зимовье осиял луч с неба: знакомые пилоты “тормознули” у избушки. Со свистом и грохотом вертолет завис в полуметре от земли, рывком открылась дверь, и механик махнул рукой:

– Давай!

Я передал ему карабин и рюкзак с пушниной, запрыгнул сам и втащил испуганного пса. В поселке сразу же побежал на склад сдавать пушнину.

– Показывай! – оценивала Людмила Сахно не отличалась многословием. Она осмотрела лишь верхние шкурки и брезгливо поморщилась:

– Остальные такие же?

– Да.

– Неправильно обработано! Можешь сдать, но я тридцать процентов срежу на доводку. Надо оно тебе?

Мне оно было не надо.

– Тогда вот что...

Она черкнула пару строк в блокноте и вырвала листок:

– На теплом складе найдешь Розу Соломоновну Грушевскую. Она покажет, как по ГОСТу сделать. Будешь готов – приноси, выпишу государственную квитанцию.

Записка была краткой и выразительной: “Роза, покажи парубку чего”.

Сапожник и пастух

Заинтригованный, пошел я на теплый склад. Настороженно держался и мой верный Таймыр, сопровождавший меня всюду. Не часто встретишь женщину с таким редким именем и отчеством. Грушевскую я никогда не видел, знал лишь по слухам, что первого мужа она убила, за что немалый срок “оттянула”, а второй, с которым много лет прожила, года три как пропал в тундре полярной ночью.

“Теплый склад” оказался длинным холодным помещением с инеем на потолке. Я пристегнул поводок собачьего ошейника к едва живой батарее отопления и со словами “Ждать, Таймыр!” открыл дверь первой от входа комнаты. Там сидели несколько женщин с повязками на лицах. Перед каждой на широкой электроплитке стояла железная оцинкованная ванна с отрубями. В помещении висел густой запах горячей пшеницы и бензина. Женщины руками в толстых перчатках натирали песцовые шкурки горячими отрубями, старательно удаляя с них кровь и грязь, а за жирные места чистили бензином.

– Здравствуйте! Где можно видеть Розу Соломоновну?

Ближайшая закутанная фигура указала претолстым пальцем на внутрен-

нюю дверь. В следующем помещении висели под потолком песцовые тушки, как стреляные, так и с перебитыми капканами лапками. Оттаивали. Местами кровь на тушках засохла, местами нет и капала на пол. Безрадостное зрелище.

У широкого столика у мощной лампы сидела женщина с высоко подколотыми черными волосами и снимала с песца шкурку. Снимала через рот. Правая рука ее, оголенная до плеча, ловко двигалась внутри песцовой “шубы”, левая придерживала тушку за шею. “Голая”, блестящая от жира и крови голова песца скалила зубы, как веселый Роджер на пиратском флаге. Ах, если бы эту картину видели одетые в меха модницы из глянцевого журнала!

Я снимал шкурки с добытых песцов с огузка и такому способу очень удивился. Поставил карабин в угол и подошел.

– Вы Роза Соломоновна? Вам записка.

– Подожди чуток, я щас.

Пока Роза Соломоновна медленно, как малграмотная, читала записку, я внимательно ее разглядывал. Стройная, одного со мной роста (а во мне 176 см), кареглазая, с правильными чертами лица и девичьим румянцем на щеках, которого не мог скрыть и желтоватый искусственный свет. Пытаясь определить ее возраст, я задержался взглядом на высокой, молочного цвета шее. И с трудом отвел глаза. К этой нежной светящейся коже хотелось прижаться губами и ощутить биение крови в тонких голубых жилках. Стало жарко, я отодвинулся. Но и Роза Соломоновна наблюдала за мной.

– Так это ты тот новенький, который в такую даль согласился ехать? На х... бы они упали те шхеры Минина, когда по Енисею две зимовки пустыют?! И рыба там, и дрова, и олень круглый год держится. Пароходы мимо – торгуй, не зевай!

Ругательство само собой сорвалось с ее пухлых губ. Так ребенок скажет иногда ненароком грубое слово, не понимая его значения.

– Откуда же было знать? Начальство направило.

– Какое на хрен начальство? Когда тебя на работу принимали, Кольчугин в отпуске был!

– Меня исполняющий обязанности принимал. Главный инженер по промыслу, Николай Николаевич.

– Ах, Николаша! Нет, он не и. о., он – Иа. Осел, каких мало!

Ну и ну! Я только руками развел.

– Люда звонила за тебя. Вытряхивай на хрен свой рюкзак, поглядим.

Она быстро просмотрела весь мой “пух”. К некоторым шкуркам принохивалась, выворачивала наизнанку и бесцеремонно совала мне под нос. От плохо обезжиренной пушнины исходил неприятный запах.

– Н-ну, я думала, хуже будет. Вовремя принес. Еще день-два в тепле – и завоняют к е... матери. Срочно спинки вымездрить, хвосты обезжирить, лапки разрезать, коготки подогнуть, а то половину заработка потеряешь.

Она показала мне, как марлей снимать со шкурок тонкую пленку мездры, как выдавливать жир ножом и промокать его хлопковой тряпочкой. Я принялся за свою работу, она вернулась к своей. Пораженный грубостью этой красивой женщины, я молчал, она тоже не делала попыток продолжить разговор. Под моими неумелыми руками одна из шкурок порвалась, и я невольно вскрикнул.

– Что т-такое?

– Порвал...

Она посмотрела.

– Малая дыра – не беда. Смочи края водой, чтоб дальше не лезло, и зашей, тогда ни х... не будет. Цена та же. “Елочкой” шить умеешь?

– Че ж нет? Умею.

– Уме-е-ешь? А наши мужики – нет. Как попало зашивают. А кто понаглее – к нам. “Помогите, бабочки, у меня пальцы толстые!” – она негромко беззлобно рассмеялась. – Ну-ка, дай гляну!

Посмотрела, как я шью, и осталась довольна:

– Иголку тонкую взял. Пра-а-вильно... Стежки бы меньше, а так ниче. Где учился-то?

– Нигде, я деревенский.

– Ну так что же – деревенский! Не каждый и деревенский знает. Тут был у нас один х... моржовый – побежал еловую иголочку искать. Это в тундре-то! – она опять рассмеялась и откинулась к стене всем телом. – Ф-фу, притомилась! Так где, говоришь?

– Нигде. Отец показал.

– Он сапожник?

– Нет. На колхозной ферме работал. Зимой – скотник, летом – пастух.

– Пастухи – да, умеют по коже.

– Конечно. Кнут сплести, седло зашить, сапоги залатать, а зимой валенки подшивали.

– Валенки? Иглою или крючком.

– И так и так можно. Но я люблю крючком – ловчее.

Она вдруг резко встала, подняла ногу на подоконник, нимало не смущаясь тем, что юбка задралась выше колена, и сдернула с ноги подшитый валенок с кожаным запяточником на нем.

– Иголой или крючком?

Я осмотрел валенок. Подцепил концом ножа драгву стежка и потянул. Показался узелок, каких не бывает при работе иглой.

– Подошва – крючком. И недавно. Узелки не стерлись. Запяточник иглой пришит. Наверное, даже двумя иглами одновременно, так быстрее. Хорошая работа, аккуратная.

– Это дядь Яша Фишман из Дома быта. Спец. Эх, какой мой папаня был мастер! Все начальство в его сапогах щеголяло. Для сук энкаведешных такие лодочки шил – закачаешься! Но и пил как сапожник... Иди-ка сюда!

Она достала из-под стола початую бутылку коньяка, из шкафчика на стене – два стакана, плеснула на ладони синей жидкостью из пузырька, вытерла руки марлей.

– Рукомойник замерз. Х... бы им в глотку, алкашне кочегарной! Протри руки тройнушкой, а то бывает, больной пес попадет.

Я протер руки одеколоном.

– Вот, шоколадку отломи. “На ферме работал”. Что, отец умер уже?

– Да. И мама. Недавно.

– И мои... Царствие им небесное. Помянем.

Мы выпили не чокаясь. Долго молчали, думая каждый о своем.

– Теперь – за знакомство. На “вы” не говори, я не барыня.

Она опять плеснула в стаканы на палец коньяка. Но выпить мы не успели. Открылась дверь, и закутанная фигура указала на меня пальцем:

– Новенький! К телефону. В коридоре на стене.

Грушевская вышла следом.

Сейф

Некий сержант Будьласка (да что они тут – все с Украины?) из районного отделения милиции требовал, чтобы я немедленно сдал карабин на склад. Я глянул на часы: семь вечера. Оружейный склад до пяти. Бежать по поселку искать кладовщицу? Нельзя ли завтра утром? Но Будьласка был неласков:

– Никаких завтра. Раз в общежитии прописан – сдать немедленно. Уже было такое: напьются, постреляются, а похмелье наше.

– Дай-ка! – Роза Соломоновна мягко, но решительно взяла у меня трубку.

– Василь Петрович, это я, Роза. У Галидите грудное. Не пойдет она щас на склад, имей понятию, тридцатник с ветром, а ну – грудь застудит? Что? Да контролирую я, контролирую, вот те крест, затвор выну и в сейф положу. Под мою ответственность, Петрович, ты же знаешь меня! – и она быстро прижала трубку к моему уху.

– Сдайте утром и отзвонитесь! – и гудки отбоя.

Мы вернулись на рабочее место и выпили по второй. Я пошарил глазами по комнате, но никакого сейфа, кроме посудного шкафчика на стене, не нашел. Так и сказал Розе. Она рассмеялась:

– А ты не знаешь, где у бабы сейф? Уморил, парубок! – и повернулась ко мне пышной грудью.

Я вспомнил, где наши деревенские женщины держат деньги, чтобы не украли на базаре, и тоже развеселился.

Литературная гостиная

Золотые люди

– Ну, вот что: время семь вечера. Мы до восьми. Собирай-ка свою грахому-дию обратно в рюкзак – и в камору на мороз. Завтра доделаешь. А щас доставай пса с крюка и мне одного дай, покажу, как правильно снимать и на ходу обезжиривать.

Я снял две тушки с гвоздей на потолочной балке, одну отдал Розе, вторую взял сам.

– Вот смотри: начинаешь ножницами. Жировую подушку с лапки срезаешь – и на х... на рогожку! Потом ножом чуть подрезать шкурку и кругом от косточки освободить. Коготки подцепить нож-

ницами, потянуть, обрезать у крайнего сустава. Теперь по суставу лапки ножом чикнуть, обрезать и тоже на х... на рогожку! И так – все четыре. Лапки удалишь – легче дальше работать.

– Роза, ты почему такая матерщинница?

– Н-ну... А ты че, идейный?

– Нет. Просто неприятно: красивая женщина, красивые губки – и грязь.

– Красивая? Ты меня молодой не видел. Щас вот столько не осталось!

– Осталось, Роза, поверь мужику, осталось!

– А сколько мне, думаешь, лет?

– Если бы не лапки у глаз, не больше двадцати. А так, думаю, годки.

– Сколько тебе?

– Тридцать четыре.

– М-м-м – “годки”! Сорок два не хошь?

– Не верится...

– Не верится? У меня сын в десятом классе, дочь в седьмом. Вот и считай.

Она отложила нож в сторону и взяла скальпель.

– Теперь смотри внимательно: губы подрезать и помаленьку всю голову освободить. Глаза и уши аккуратно обойти, хрящи из ушек вырвать – не нужны. Чуть было не сказала “на х... на рогожку”, но не буду, раз тебе неприятно.

– Так ведь сказала уже!

– Но тихим голосом и глазки вниз. Вишь, я хорошая тетечка!

В глазах ее прыгали искорки, я рассмехался.

– А теперь кажи руки, охотничек!

Недоумевая, протянул я обе руки вперед. Она поочередно притронулась к большим пальцам моих рук и легонько потрясла их.

– Чтобы быстро снять-обезжирить, надо ноготь отрастить. Большой, как у меня. Вишь?

– Ну.

– Если правша – на правом, левша – на левом.

– Не пойму...

– Вот смотри: ногтем цепляешь пленку на шее и давишь. Ноготь не нож, шкурка не рвется. Потихонечку шкурку кругом отделяешь, пеньки лапок, вишь, сами выскакивают. И пошла, пошла шкурка вниз. А пленки и жир на тушке остались! И обезжиривать не надо. Время-силы сэкономишь. Я за день двадцать пять делаю. Под настроение и больше. Потом надо жир-кровь бензином снять, стальной расческой пух вычесать, прутиком похлопать, пыль выбить. Тогда станет красивая, пушистая, мягкая и в Питер поедет на пушной ау... аукцион. Международный. За золото. Понял, мы какие? Золотые для государства люди!

Любовь, кровь и балалайка

Но я плохо слушал. Я смотрел на оголенные до плеч руки этой женщины. На правой руке выше запястья были белые скобы и полосы. На широком шраме у локтя – точки от ниток. Левую ладонь пересекала грубая красная черта. За нож хваталась.

Роза выпрямилась на стуле:

– Во работенка! Спина как чужая. А руки, хоть смотри не смотри – память мне за любовь... Семнадцать замуж вышла, через год уже срок тянула. Прихожу с ночной, а он с бабой! Да ладно бы где, простила бы. Нет – на постели нашей! Ну, я в кухню – и нож! И он – свой складник. Бились – поле Куликово. А стерва ушла!..

Роза Соломоновна положила на стол нож и ножницы и стала легонько раскачиваться из стороны в сторону. Тихая песня на языке, так похожем на мой родной, зазвучала в забрызганной звериной кровью комнате: “Libe ken brennen un nit ojfferen, // Herze ken vejnen,vejnen on trenen. // Tumbala, tumbala, tumbalalajka, // Tumbala, tumbala, tumbalalala...” (Только любовь лишь горит, не стора, // Сердце без слез безутешно рыдает. // Тумбала, тумбала, тумбалалайка, // Тумбала, тумбала, тумбалала...)

Открылась дверь, четыре женщины из соседнего помещения вошли в комнату. Откинули повязки с лиц и подхватили припев: “Тум, балалайка, шпил, балалайка, // Тум, балалайка, тумбалала...” Сероглазая женщина среднего роста постучала пальцем по браслету часов:

– Заявлявай, Соломонна, щас сторож придет.

Она сняла с балки двух последних песцов, одного отдала Розе, второго стала обрабатывать сама. Женщины принялись наводить порядок и убирать ободранные тушки в мешки. Я выносил мешки на улицу и вытряхивал содержимое в большой ящик на тракторных санях у дверей. Многим ли отличается судьба человека от судьбы песца? Так же ждет тебя капкан болезни, случайности, старости. Шкуру, правда, не сдирают, но зато пух с тебя вычесывают всю жизнь.

Было холодно. Наверное, за тридцать. Морозная дымка окутала высокую луну и огни фонарей на той стороне пролива. Громада атомного ледокола угадывалась у пирса. Я с трудом разглядел прожектор на крыше своего общежития. Пора домой. Сначала позвонить, чтобы парни белье взяли и пару одеял лишних. На скорую руку построена общага. Щелястая. Дует. Когда я вернулся в помещение, радостно теплое с мороза, обнаружилось, что Таймыру моему постелена оленья шкура и он грызет кость с хорошим шматком мяса на ней.

В “обдирочной” включили верхний свет. На столе была постелена скатерть, стоял чайный прибор, в корзинке – печенье и шоколад.

– Садись с нами, – сероглазая хлопнула по свободному стулу рядом с ней.

– Спасибо, девушки. Мне еще на ту сторону бежать.

– Пережди. Последняя вахтовка в десять.

– Зачем? Я напрямик.

– Не советую. Вчера ледокол прошел.

– А мне пилоты говорили – позавчера. Уже прихватило канал при ветре таком.

– Тогда вот что, – Роза встала и принесла из соседней комнаты небольшой железный ящик, в каких механики держат инструменты. Вынула из него напильник на деревянной ручке. Уложила напильник на цементный пол и резко ударила молотком. Сталь раскололась посередине, образовав острые рваные края. Половинку с ручкой на ней Роза протянула мне.

– Держи. Если вдруг провалишься, этим когтем себя вытянешь.

– У меня нож.

– Руки порежешь. Да и соскальзывает, ломается, неужели не ясно?

– Ясно, Роза. Мне приходилось.

– Вот! Не фраерись!

– Спасибо.

– Будь ласка. А теперь не дури и садись за стол. Горячее в мороз нелишне.

Друг или недруг?

В общежитии строителей, где я был прописан, ужинали двое мужчин. Бутылка питьевого спирта стояла на столе. Мужики были уже “тепленькие”, но стопка белья и два одеяла лежали на моей кровати. В этот поздний час кто-то сбегал к кастаньянше на дом.

– Спасибо, парни. А где остальные?

– Суббота. По бабам! – объяснил старший из мужчин, каменщик Савелий Костыркин. – Вертак в пять сел. Где пропалал-то?

Костыркин раньше был охотником. Но потом бросил эту, по его словам, “собачью жизнь” и перешел на работу в ПМК.

– На складе. Пушнину дорабатывал.

– Розку-то видел? Тама она?

– Какую Розку? – мне и раньше был неприятен этот рослый кривоногий мужик с криминальным прошлым, а тут прямо закипело внутри.

– Ну еврейка эта. Симпотная такая. Мужик у ей в тундре три зимы как пропал. Санька Грушевский. Шкаф был: метр девяносто на сто двадцать кило. Собаки вернулись, а нарты пустые!

– И что, не нашли?

– Так ночь. Где искать? Не искали. Уже в феврале менты на вертаке прошились низенько, дак, если и был труп, задуло давно. Как снег сошел, она еще раз вертак выпросила. Обратном ниче не нашли. Дак она с милиции не слазила, пока ей мента в помощь не дали, пешком, значит. И с сыном. Два месяца в тундре. Все путики протопали, овраги смотрели. А че смотреть? Если “босой” на лед утащил, то тью-тью!

– Так она что же, одна на зимовке?

– В путину (сезон рыбной ловли. – *Авт.*) бригада у ей рыбацкая. И дети. А зимой че ж – одна.

– Так ведь ночь три месяца!

– На собаках. Они и в пургу домой привезут.

– А волки-медведи?

– Карабин у ей, ты че?

Боже мой! Я вспомнил себя самого под зеленым светом сияний по восемь, по десять часов в тундре. Когда и больше, как погода. Минус тридцать – это в радость. Терпимо. Возвращаешься – изба выставла. Не до чаю. Дров в печку – и спать. Если вдруг метель и не надо на путик, то праздник. Отпуск. На вездеходе кабина. А собачья упряжка – это на ветру.

– Что же она сейчас-то в поселке?

– Да хитрая ж. Как самая ночь, середина декабря – посередь января, так она сюда ныряет. Вроде как пушнину сдать. Дети, праздники, халам-балам. Начальство – как не видит, не знает. Раньше дело заводили, если участок бросишь. А щас, при Горбаче, послабуха пошла, никто ниче не боится. А в этот год она по делу. Песца много. Любители сдают – завал. Обдирать некому, желающих приглашают. Дак че я говорю, ты же знашь приказ-то?

– Знаю.

– Розка, говорят, по сорок штук в день делат, как орехи щелкат. Две сотни в карман. За день. Это на материке-то месячная зарплата. Инженерная. Ловка! К ей многие клеились по вдовьему делу. Всем – шиш! Я друг ведь Сашкин. Рядом стояли. Тоже в прошлом годе зашел к ей. Мол, так и так. Не-е-е. Че ты-ы! Как кошка: спину дугой – и кш-ш-ш! Не порти, грит, памяти, иди с Богом!

Савелий набулькал себе полстакана разведенного спирта, выпил залпом, схватил кусок мяса с тарелки и стал жевать.

– Бушь?

– Нет, с утра работы много.

– Ну как знашь. Нам больше останется.

Я принял душ и постелил постель. Сходил на кухню, включил чайник. Савелий, уже пьяный в грязь, все сидел за столом, уронив голову на руки, и бормотал про себя:

– Ну-ну, поживи, поживи одна... плох я тебе, плох? Походи, походи одна... год походи, два походи... а нет – туда же пойдешь... туда же пойдешь... туда... не вернешь...

Я все ворочался на постели. Костыркин, думалось мне, знает больше о пропавшем без вести охотнике, чем вдова и милиция. И приснился мне затвор от карабина. Лежал он, холодная кривая железка, в уютном “сейфе” Розы Соломоновны, и я все пытался скинуть его рукой, все пытался стряхнуть его, выбросить, негоже железке в таком нежном месте. И проснулся с зажатым в руке углом подушки...

Окончание следует

